

и преступных мыслях. Смысл фразы "вверх ногами" у Достоевского почти неисчерпаем. В "Симфонии" Белого эта фраза встречается дважды, в разном исполнении, во внешне похожих, но по сути разных ситуациях. "1. Снег хрустел под ногами прохожих. Так, где днем стояла лужа, был голый лед... И случайный проходимец летал вверх ногами, пародируя европейскую цивилизацию" [2, с. 351]. Шлепающийся на скользком льду человек, может быть, и летит вверх ногами, только уж не головой, а другой частью тела вниз, тем самым и пародируя головокружительное падение в бездну всей европейской цивилизации.

Ближе к концу 4 части "вверх ногами" летит уже не "случайный проходимец", а главный герой – Сергей Мусатов, переживающий страшное потрясение от крушения своей теории. Но в его падении опять-таки нет ничего сверхъестественного: виноват все тот же лед, да еще то, что Мусатов пьян: "3. Тут поскользнулся пьяный Мусатов и полетел вверх ногами, пародируя европейскую цивилизацию" [2, с. 364]. Золотобородый аскет в падении уравнивается с "проходимцем" – резкое снижение образа очевидно.

В "Симфонии" нами выявлен еще один случай использования Белым целого фрагмента текста Достоевского. В "Братьях Карамазовых" Алеша и старец Зосима ясно помнят первый момент приобщения к Богу, нисхождения Божьей благодати. Об Алеше в романе сказано так: "... он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампаду..." [12, с. 18]. Старец Зосима вспоминает: "День был ясный, и я (...) точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам" [12, с. 264]. Столь же благостно и описание службы на Св. Троицу во 2 части "Симфонии" Белого: "Лучи солнца врывались сквозь узкие окна и почивали на сияющих ризах, мелкий дымок фимиама мягко стлался в солнечных лучах" [2, с. 321]. Почти дословное совпадение: те же узенькие окошки, лучи солнца, волны фимиама, – но ореол благодати и умиротворения разрушается одной, грубовато-житейской подробностью – "Все потели" [2, с. 320].

Аллюзии на Достоевского в "Симфонии", как и в других произведениях Белого, и даже в жизненном поведении, многочисленны и разнообразны [6, с. 131–150]. Мы отмечаем лишь те случаи, которые носят ярко выраженный пародийный характер. И этих случаев достаточно, чтобы сказать, что с Достоевским в "Симфонии" произошло то же самое, что и с Ницше: герои его произведений, отдельные фразы и образы, шире –

комплекс идей, ассоциировавшийся у Белого с именем автора "Братьев Карамазовых", – все это стало материалом для пародийного изображения в "Симфонии".

Третий из названных самим Белым кумиров юности и всей жизни – Владимир Сергеевич Соловьев. Его образ в "Симфонии" строится по тому же принципу, что и образ Ницше: соединение реальных портретных деталей и нелепой обстановки, фантастической ситуации, в которой появляется герой.

Образ Ницше представлен следующим набором портретных характеристик: величавое лицо, черные усы, нависшие брови. Это соответствует чертам реальной внешности философа. А ситуация – карикатурно-аллегорическая: он – потный кучер, везущий седока "с пятачковатым носом и в изящном пальто".

Реалистичен и портрет Вл. Соловьева: серые глаза, черные, точно углем обведенные ресницы, львиная грива волос, седеющая борода, меховая шапка и огромная шуба (зимой) или развевающаяся крылатка и широкополая шляпа (летом). А вот в какой обстановке появляется этот персонаж во 2 части "Симфонии": "1. В тот час в аравийской пустыне усердно рычал лев; он был из колена Иудина. 2. Но и здесь, на Москве, на крышах орал коты" [2, с. 318]. И вот именно здесь, среди орущих котов, на крыше появляется пророк: "7. Это был покойный Владимир Соловьев. (...) 9. Иногда он вынимал из кармана крылатки рожок и трубил над спящим городом. 10. Многие слышали звук рога, но не знали, что это означало. 11. Храбро шагал Соловьев по крышам" [2, с. 318–319].

Рожок Соловьева в тексте "Симфонии" претерпевает ряд превращений: от высокого к низкому, обыденному уровню. Сначала это рог, усмиряющий страхи и изгоняющий ужасы. Его слышит ночью ребенок и улыбается, говоря: "Где-то трубит рог!" [2, с. 319]. Звук того же рога сливается со стоном и пением труб в ночь, когда кажется, что за горизонтом слышны слова молитвы Иоанна Богослова, когда налетевший неведомо откуда вихрь гасит свечечку в руке, а сверху несутся световые вихри [2, с. 328]. И от образа, созвучного библейскому "Трубу к устам Твоим!", Белый резко снижает образ до обывательского уровня – трубы граммофона: «Из трубы вылетали гортанные звуки: "О ее-сли бы выи-сказ-ааа-аать мооо-жнооо всю сии-луу стра-дааний мооих..."» [2, с. 360].

Подобное же сочетание возвышенного и комического, гротескно-фантастического встречается и при следующих появлениях Соловьева на страницах "Симфонии". Так, в 4 части его поклонники рассказывают друг другу о том, что уже началось воскрешение мертвых и кто-то ви-